

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122
УДК 378+37.014.256(045)

Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект*

Т.Т. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу культурных оснований высшего образования в РФ и КНР. Особое внимание уделено проведению рыночных реформ и модернизации высшей школы. Отмечается, что, несмотря на схожую форму, преобразования российского и китайского образования, в том числе в связи с вступлением в Международную торговую организацию, имеют различное ценностное наполнение, так как в первом случае происходит ломка ценностей и вестернизация, а во втором – сохранение традиций и национальной компоненты. В конце статьи автор делает вывод о ключевой роли воспитательного аспекта и идеологии в высшем образовании КНР.

Ключевые слова: высшее образование; Россия; Китай; ценности; культура; реформа высшего образования; конфуцианство; WTO

Для цитирования: Махаматов Т.Т. Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):117-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122

ORIGINAL PAPER

Higher Education in China and Russia: Comparative Spiritual and Value Aspect**

T.T. Makhamatov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the cultural foundations of higher education in the Russian Federation and China. Special attention is paid to the implementation of “market reforms” and the modernization of higher education. The author noted that despite the similar form, the transformations of Russian and Chinese education, including in connection with joining the International Trade Organization, have different value content, since in the first case there is a breakdown of values and “Westernization”, and in the second case there is a reliance on tradition and the preservation of the national component. The author makes a conclusion about the key role of the educational aspect and ideology in the higher education of the People’s Republic of China.

Keywords: higher education; Russia; China; values; culture; higher education reform; Confucianism; WTO

For citation: Makhamatov T.T. Higher education in China and Russia: Comparative spiritual and value aspect. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):117-122. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122

Социальную организацию общества в целом можно рассматривать как систему, включающую сферы управления, власти, экономики, права, идеологии и образования. При этом сфера образования является результатом взаимодействия различных компонентов социальной ор-

ганизации и, таким образом, выступает не столько «надстройкой» над экономическим «базисом» в марксистском понимании, сколько частью фактического базиса общества наравне с культурой, идеологией, экономикой и государственностью — с культурно-исторической точки зрения [1].

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ВТК-ГЗ-ПИ-31–21 «Анализ потенциала рынка частного образования для организации подготовки кадров в новых формируемых сферах экономики с использованием современных технологий».

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds under the state task VTK-GZ-PI-31–21 “Analysis of the potential of the private education market for organizing training in new emerging areas of the economy using modern technologies”.

Согласно ныне действующей Конституции РФ в нашей стране в настоящее время существует идеологическое многообразие — никакая идеология не может признаваться в качестве государственной и обязательной¹. Однако, как отмечает С. Глазьев, отсутствие у государства и общества общей идеологии — «признание того, что никакой единой системы ценностей, никаких целей общего развития у них нет, что превыше всего — частные и клановые интересы» [2].

В Китае ценность образования поддерживается традицией. Доминирующей доктриной почти на протяжении 1000 лет, вплоть до начала XX в., выступало учение Конфуция, которое представляет собой этико-политическое мировоззрение, соединившее в себе политическую идеологию, религиозные установки, научную традицию и этику социального поведения. Будучи официальной идеологией, конфуцианство обеспечило престиж и преемственность образования.

Согласно конфуцианской традиции принято выделять два вида образования: «для себя» и «для других».

«Обучение для других» означает овладение профессиональными навыками, которые необходимы для узкоспециализированной деятельности, но недостаточны для формирования целостной личности.

Поэтому Конфуций предложил модель «обучение для себя», следуя которой учащийся «выправляет» себя, совершенствует свои нравственные качества на протяжении всей жизни.

В результате реализации традиционного образования формируется идеальный гражданин, или благородный муж (君子 junzi), чья жизнь посвящена поддержанию шести добродетелей, которые, будучи реализуемы посредством повседневной практической деятельности, в конечном счете обеспечивают процветание государства: гуманность или человеколюбие (仁 ren); долг, справедливость (义 yi); этикет (礼 li); сыновняя почтительность, благодарность (孝); мудрость (智 zhi); преданность (信 xin). Критерием благородного мужа является соблюдение баланса между внутренним и внешним: между личным и общественным, между нравственностью и следованию ритуалу. В учении Конфуция отражено социальное неравенство, которое является необходимым условием иерархии, составляющей государство. Соблюдая иерархию, следуя ритуалу, каждый социальный слой выполняет свою роль

и функцию. Задача образовательного процесса — закрепить в сознании человека правила, нормы и ценности, основанные на традициях.

Иными словами, в культурно-педагогической традиции Китая высшее образование есть не столько комплекс знаний, навыков и компетенций, сколько «государственно-идеологическая доктрина, заключающая основные смыслообразующие установки политики и идеологии» на протяжении всей истории развития страны. Таким образом, высочайший престиж высшего образования закреплен в культурной и философской традиции Китая.

В отечественной традиции высшее образование служило не столько закреплению национальных ценностей и естественно сложившихся особенностей народной культуры, сколько, напротив, — формированию нового типа личности, основанного на европейском образе мышления. Более того, в России на протяжении столетий, начиная с романовской эпохи, под любой модернизацией фактически подразумевается вестернизация, что, естественно, сопровождается комплексной ломкой сложившихся ценностей.

Основателем российской науки и образования принято считать Петра I, который, наряду с повышенным интересом ко всему западному, привил России «комплекс неполноценности», находивший, в частности, выражение в принижении всего отечественного, с обязательным преклонением перед иностранным (европейским) [3].

Высшее образование, выстроенное по немецкому образцу, явилось привилегией правящего класса и служило продвижению по служебной лестнице, что привело к сугубо утилитарному пониманию данного социального института в условиях российского социума. Все это приводило к комплексному результату — неявной колонизации «возрожденной» и «просвещенной» Европой территории, занимаемой российским государством, планомерно и глубоко преобразуемым по ее, Европы, образу и подобию.

«Наши университеты привыкли себя считать до того государственными учреждениями, что все их внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на просвещение края и общества они смотрят как на дело для них и вовсе постороннее», — с горечью писал Н.И. Пирогов.

В советское время была выстроена новая национальная модель высшего образования, сочетавшая научную фундаментальность, гражданственность и духовность, которые обеспечили рост нацио-

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701f1be63f48c943e8175be16462/

нального самосознания и сформировали модель «советского человека». Однако с распадом СССР данная модель прекратила свое существование, а на уровне государства и общества была инициирована и продолжается «модернизация» системы образования, снова взявшая за основу западные социальные институты и их базовые ценности.

Вернемся к рассматриваемым современным образовательным системам. Поступить в высшее учебное заведение — как в России, так и в Китае — могут выпускники средних профессиональных учебных заведений и старшей ступени средней школы при условии сдачи Единого государственного экзамена, (в КНР — 高考 *gaokaokao*). Аналогично российскому ЕГЭ, китайский *гаокао* является одновременно выпускным для учеников средней школы старшей ступени. Если ранее возраст абитуриента ограничивался 25 годами, а замужние и женатые вообще не могли стать студентами, то сейчас возрастные и семейные барьеры сняты, и обучение в вузе можно начать в любом возрасте.

Несмотря на внешнюю схожесть отечественного ЕГЭ и его китайского аналога, данные экзаменационные системы имеют разные духовно-ценностные основания. Экзаменационная традиция современного Китая уходит корнями во времена древних империй, образовательная система которых была призвана готовить кадры для чиновничества, а потому выступала делом государственной важности.

В наши дни, ввиду высокой численности населения Поднебесной и естественно обусловленной этим обстоятельством социально-экономической напряженности, успешная сдача *гаокао* и поступление в вуз значительно повышают шансы человека на жизненный успех — будь то создание семьи, престижная работа, высокий заработок или помощь родственникам.

Поскольку, в отличие от модернизированного российского или современного западного социума, китайское общество не является атомизированным, а как раз наоборот — обществом общинного типа [4, 5], то базовой категорией социального анализа выступает не индивид, а взаимозависимость индивидов — семья, следовательно, провал на *гаокао* является не столько личной неудачей, сколько позором для всей семьи и рода. Именно поэтому китайский государственный экзамен оказывает наивысшее психологическое давление — как на абитуриентов, так и на их родителей.

Среди недостатков *гаокао* выделяют авторитарность; необходимость заучивать, зазубривать материал; подавление творческого начала; внешнюю

мотивацию и страх «провалиться» [6]. М. Ишисада идет еще дальше и называет такую систему государственных испытаний «экзаменационным адом» [7]. Российские исследователи также невысокого мнения о данной практике. Например, С. Просеков, отдавая должное достоинствам китайской образовательной системы в целом, отмечает, что «образование нацелено исключительно на сдачу экзамена» и «у китайских детей отсутствует индивидуальный подход и инновационный потенциал» [8].

Тем не менее система строгих конкурсных испытаний, реализуя принцип «образование для всех», обеспечивает социальное продвижение лучших и устойчивость китайского общества. Как отмечает В. Малявин, приверженность «идеи конкурсных экзаменов как надежного инструмента отбора в государственную элиту самых талантливых» — одно из проявлений веры китайцев в справедливость и воздаяние за труды уже при жизни.

Возможное объяснение также предложено С. Пэнном, который связывает экзаменационную систему со снятием конфликта интересов у тех, в чьей власти находится допуск к образованию, поскольку в странах конфуцианского наследия нравственной основой существования личности, с одной стороны, выступает почтительное отношение к семье, а с другой — равный доступ к образованию. В результате, если, например, к представителю приемной комиссии обращается кто-либо из родственников с просьбой посодействовать с поступлением в учебное заведение, то в случае согласия должностное лицо нарушает общественные этические стандарты, а в случае отказа — нравственные кланово-семейные установления. Единый беспристрастный экзамен помогает избежать данного конфликта и гарантировать, что результат зависит только от самого учащегося.

Важно отметить, что китайские студенты — как из обеспеченных семей, так и из семей со скромным достатком — одинаково прилежно относятся к получению образования. Многие из них добровольно проходят суровые экзаменационные испытания не только в силу карьерных притязаний, но и для того, чтобы почтить своих родителей, служить укреплению семьи и рода, приносить пользу обществу, что исконно заложено в китайской культурной традиции.

В Российской Федерации до 2009 г. выпускники школ сдавали выпускные экзамены для получения аттестата, а вузовские — непосредственно для поступления. После 2009 г. ЕГЭ стал проводиться на территории всей страны и перешел из стадии

эксперимента в обязательную процедуру. С этого момента роль ЕГЭ становится более весомой, так как успешная сдача выпускного экзамена открывает путь к высшему образованию и предоставляет социальные лифты.

Образовательная политика современного государства, помимо ориентации на национальные интересы, учитывает также векторы мирового развития. Для России и Китая таким вектором является членство во Всемирной торговой организации, причем Китай вступил в организацию в 2001 г., а Россия значительно позже — в 2012 г. Помимо этого, Россия, в целях интеграции в европейское образовательное пространство в 2003 г. присоединилась к Болонскому процессу. Китай не является участником данного процесса, но также перешел на программы подготовки бакалавров, магистрантов и докторов наук. Страны — участницы ВТО по согласованию могут ввести ограничения по доступу на свой рынок услуг.

В данной ситуации Китай заблаговременно начал подготовку к адаптации системы высшего образования к условиям глобального рынка. Уже начиная с 1978 г. китайские студенты организовано выезжают за рубеж с целью обучения. Подразумевается, что выпускники-специалисты должны перенять передовой опыт для модернизации собственной экономики и культуры. С 1992 г. упор был сделан на привлечение иностранных специалистов и преподавателей. Еще через 3 года Китай начал осуществлять совместные образовательные программы, запретив иностранным вузам самостоятельно осуществлять деятельность в КНР. Был развернут импорт зарубежных образовательных услуг. Бакалавриат и магистратура были введены в Китае еще в 1980 г., и, поскольку на тот момент большинство вузовских программ в КНР были краткосрочными, этот переход произошел без глубинной перестройки системы в целом. С момента вступления Китая в ВТО страна начинает ориентироваться уже на экспорт высшего образования, которое служит одновременно и некоей «мягкой силой», и источником национального дохода. Важно отметить, что на данный момент Китай является как крупнейшим импортером высшего образования, так и его экспортером. Экономический успех Поднебесной и возрастающий авторитет на международной арене усиливают привлекательность высшего образования в КНР.

Россия в качестве участника Болонского процесса провела в своей системе высшего образования преобразования, схожие с китайскими: введены

программы бакалавриата и магистратуры, и, как следствие, — подготовка кадров осуществляется в сжатые сроки (4 года — бакалавр, 2 года — магистр); произошел отказ от фундаментальности в пользу практико-рыноко-ориентированности; продолжается принятие европейских образовательных стандартов, в числе которых — модели компетенций и зачетные единицы, что нашло отражение в соответствующей законодательной базе; развивается ориентация на непрерывное образование. Однако, несмотря на внешнюю схожесть с китайскими, наши реформы имеют качественно иное наполнение, так как преобразования проходили без должного общественного обсуждения, следовательно, без учета опыта уже проведенных реформ образования — как отечественного, так и зарубежного [9]. В результате утрачивается самое основное — национальный компонент, а наши лучшие студенты либо уезжают после окончания вуза за рубеж, либо трудоустраиваются в иностранные компании, что равносильно их работе в интересах другого государства².

Согласно нормам ВТО и Генеральному соглашению по торговле услугами высшее образование является **коммерческой услугой**, заказчики и потребители которой — сами учащиеся-студенты [10]. Данное положение соответствует западному исторически сложившемуся стилю мышления, однако входит в противоречие с традиционным отечественным пониманием образования как **общественного блага**, что закреплено в Законе об образовании РФ. Без идеологии и опоры на национальные традиции отечественное образование оказалось беззащитным перед западными ценностями, которые транслируются как через систему самого образования, так и через другие общественные институты, в том числе СМИ.

В результате воздействия глобализации и интенсивного осуществления рыночных реформ в области высшего образования оказались затронуты сами культурные основы китайской цивилизации, и, таким образом, высшие традиционные духовные ценности начали подменяться несравнимо более легко понимаемыми и обретаемыми материальными достижениями. С целью противостояния интенсивному «вливанию» западных образов ментальности и моральных установок правительство Китая способствует

² П. А. Столыпин предупреждал об этом: «Народ, забывший о своих корнях, традициях предков, о своей многовековой культуре, есть навоз, на котором произрастают другие народы».

укреплению конфуцианской морали. Начиная с середины 1980-х гг. в области образовательных реформ в Китае учитывается гуманитарный аспект, закладываемый в самую матрицу высшего образования. В программах высшего образования Китая важное значение придается воспитанию. Коллективные, общественные цели и ценности признаются выше личных интересов. Личность должна гармонично выстраивать отношения с природой, социумом, семьей³. Поступки должны быть обоснованы и правильно мотивированы, слово и дело — неразрывны. Члены партии и руководящие работники также обязаны беспрекословно следовать коренной конфуцианской концепции благородного мужа, во всем опирающегося на шесть основных добродетелей. Управление государством происходит не только на основании писаного закона, но и с опорой на конфуцианские ценности.

Учитывая вышесказанное, можно заключить, что в Китае высшее образование выполняет роль движущей силы модернизации, а применительно к России данный тезис является дискуссионным. Китай принят в мировое образовательное пространство в качестве равноправного субъекта, в то время как позиции России в этом плане весьма сомнительны. Основные аспекты успешности

³ В частности, это выражено в известном китайском изречении о смысле жизни человека: 修身·齐家·治国·平天下 (досл.: самотренировка, создание семьи, управление государством, умиротворение Поднебесной).

современных реформ высшего образования в КНР можно свести к нижеследующим пунктам:

1. Наличие ясной и простой идеологии, которая сплачивает государство и общество, задает идеал позитивного настоящего и светлого будущего⁴ и указывает направление развития.

2. Модернизация без вестернизации: общественные преобразования с опорой на собственные традиции, приоритет национальных интересов, адаптация западных достижений к собственной культуре.

3. Последовательность реформ и быстрое реагирование на отрицательные явления, закрепление положительного опыта.

4. Внедрение достижений науки и образования в производство.

Российской стороне стоит взять на вооружение современный позитивный опыт КНР и, в том числе, воссоздать комплексную систему государственного воспитания, вернуть ценностные смыслы в содержание образования, устранить разрыв образования и культуры, поскольку позитивный образ будущего может выстраиваться только на основе понимания собственного прошлого [11]. Только в этом случае российское высшее образование будет успешно выполнять три свои основополагающие функции: быть универсальным источником саморегенерации национальной культуры, совершенствования национальной науки, центром подготовки кадров высочайшего уровня.

⁴ 小康大同 — «малое благоденствие, великое единение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т. О духовно-культурных основаниях сближения и столкновения цивилизаций в эпоху глобализации. Столкновение VS сближение цивилизаций. Коллективная монография. Казань: Отечество; 2020.
2. С. Глазьев. Идеи правят миром. URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/93895-sergey-glaz-ev-idei-pravjat-mirom>
3. Махаматова С.Т. Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):120–127.
4. Махаматов Т.Т. Современный Китай — классическое государство Востока. Философские, социально-экономические и правовые основания современного государства в контексте глобализации: сборник научных трудов. М.: Финансовый университет; 2011.
5. Махаматов Т.Т. Сущностные философско-культурные основания сближения России и Китая. *Социально-гуманитарные знания*. 2015;(10):248–263.
6. Ли Ц. Культурные основы обучения: Восток и Запад. Пер. С англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2017.
7. Ishisada M. The civil service examination: China's examination hell. *Chinese education*. 1974;(7):1–74.
8. Просеков С.А. Особенности образования и воспитания в КНР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(2):72–81.

9. Сачко Г.В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? *Вестник ЧелГУ*. 2012;12(266):48–55.
10. Логинова А.С. Повышение конкурентоспособности российского высшего образования в условиях выхода на международный рынок образовательных услуг. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2015;(1):11–15.
11. Шатилов А.Б. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):15–26.

REFERENCES

1. Makhamatov T.M., Makhamatov T.T. On the spiritual and cultural foundations of the rapprochement and clash of civilizations in the era of globalization. In: *Clash VS rapprochement of civilizations. Collective monograph. Kazan: Fatherland; 2020. (In Russ.)*.
2. Glaziev S. Ideas rule the world URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/93895-sergey-glaz-ev-idei-pravjat-mirom>. (In Russ.).
3. Makhamatova S.T. Smolny Institute for Noble Maidens as a Model of Schoolchildren's Socialization in Closed Educational Institutions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):120–127. (In Russ.).
4. Makhamatov T.T. Modern China is a classical state of the East. Philosophical, socio-economic and legal foundations of the modern state in the context of globalization: a collection of scientific papers. Moscow: Financial University; 2011. (In Russ.).
5. Makhamatov T.T. Essential philosophical and cultural grounds for the rapprochement between Russia and China. *Social and humanitarian knowledge*. 2015;(10):248–263. (In Russ.).
6. Li Ts. Cultural foundations of learning: East and West. Moscow: Higher School of Economics; 2017. (In Russ.).
7. Ishisada M. The civil service examination: China's examination hell. *Chinese education*. 1974;(7):1–74.
8. Prosekov S.A. Features of education and upbringing in China. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(2):72–81. (In Russ.).
9. Sachko G.V. Why do similar higher education reforms in Russia and China lead to different results? *Bulletin of ChelGU*. 2012;12(266):48–55. (In Russ.).
10. Loginova A.S. Increasing the competitiveness of Russian higher education in the conditions of entering the international market of educational services. *Innovative projects and programs in education*. 2015;(1):11–15. (In Russ.).
11. Shatilov A.B. The activities of state authorities of the Russian Federation in the formation of historical ideas of student youth in the post-Soviet period. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):15–26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Тимур Таурович Махаматов — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

Timour.makhamatov@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2021; принята к публикации 10.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2021; accepted for publication on 10.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.